

А. Введенский

**Религиозные сомнения
наших дней**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А. Введенский**
Религиозные сомнения наших дней: Том 1 / А. Введенский – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 339 с.

ISBN 978-5-458-56295-9

ISBN 978-5-458-56295-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оскудѣніе вѣры.

(Психологическій вѣдъ).

Невѣріе растеть. Растеть быстро, не по днямъ, а по часамъ. Развивается съ молніеносною быстротою. Крѣпнеть съ поразительною силою. Захватываетъ все большее и большее пространство.

Какъ злое чудовище, оно постоянно врывается все въ новыя и новыя села, города, деревни, семьи и человѣческія души. Врывается со страшною силою, совѣмъ неожиданно, со всѣми ужасами своего тлетворнаго и леденящаго дыханія. Оно губить и давить рѣшительно все, что встрѣчаетъ на пути своего триумфальнаго шествія. Губить душу, губить совѣсть, губить правду и добро, губить все чистое и святое въ человѣкѣ, чѣмъ онъ жилъ, чѣмъ дорожилъ, чѣмъ вдохновлялся и утѣшался.

Его останавливаютъ. Ему полагаютъ на пути всевозможныя препоны. Съ нимъ борется цѣлая армія христіанскихъ апологетовъ и огромная рать „ревнителей благочестія“. Но ничего не помогаетъ. Невѣріе всюду проникаетъ. Всюду несетъ съ собою великое и страшное зло. Зло для Церкви, для государства, для семьи, для всякой отдѣльной души.

Спрашивается, чѣмъ же объяснить такой непомерный ростъ безбожія и невѣрія? Какими причинами вызывается и обусловливается столь печальное явленіе нашихъ дней? Чѣмъ питается и поддерживается оно? Въ чемъ находитъ свою опору и успѣхъ?

Вотъ всѣ эти вопросы мы и попытаемся освѣтить въ предлагаемой статьѣ.

* * *

Мы спрашиваемъ: отчего такъ быстро развивается невѣріе въ наши дни?

А люди, считающіеся учеными, называющіе себя матеріалистами, позитивистами и другими подобными именами, такъ отвѣчаютъ на предложенный вопросъ:

Невѣріе потому такую широкою волною разлилось по лицу всей земли, что для него настала пора.

Человѣческое познание, говорятъ, въ своемъ естественномъ ростѣ неминуемо должно пройти три стадіи: Первая стадія—теологическая, вторая—метафизическая и третья—позитивная ¹⁾).

На теологической стадіи находятся народы, стоящіе на самой низкой ступени умственного развитія. На этой стадіи человѣкъ старается объяснить себѣ многія явленія природы при помощи предположенія, что позади каждаго явленія находится какое-либо живое существо, которое создаетъ это явленіе. Затѣмъ, пытается уяснить себѣ причины происхожденія міра, опредѣлить и объяснить все то, что относится къ области сверхчувственного.

Теологическая стадія уступаетъ мѣсто второй стадіи — метафизической. На этой стадіи развитія человѣкъ задается вопросами о внутренней природѣ вещей.

Наконецъ, на третьей ступени развитія человѣкъ начинаетъ понимать, что все существующее внѣ нашего чувственного опыта не можетъ быть воспринято. Ибо познание сверхчувственного недостижимо. Изучать можно только то, что представляется нашимъ чувствамъ. Посему, всѣ вопросы о внутренней сущности вещей, о началѣ міра нужно отбросить. Равнымъ образомъ, такъ надо поступить и со всѣми вопросами относительно того, что находится внѣ сферы чувственного воспріятія.

Таковъ необходимый процессъ человѣческаго развитія, говорятъ намъ. Посему и нечего удивляться тому, что невѣріе растеть, а вѣра глохнетъ и на убыль идетъ. Человѣчеству пришла пора перейти отъ одной стадіи къ другой, и оно перешло, сдѣлало шагъ впередъ, отрѣшилось отъ всѣхъ теологическихъ и метафизическихъ понятій и представлений, вошло въ сферу позитивнаго мышленія, которое отрицаетъ всѣ истины и символы въ области духа.

Такъ объясняютъ намъ причину невѣрія современные премьеры науки.

Но мы при всемъ своемъ безпристрастіи никакъ не мо-

¹⁾ Подробно объ этихъ трехъ стадіяхъ развитія см. Челпанова: „Введеніе въ философію“. Изд. 3-е Кіевъ, 1907 г. стр. 240.

жемъ согласиться съ такою точкою зрѣнія. Мы протестуемъ противъ нея всѣми фибрами своей души. Мы заявляемъ, что она ложна, имѣетъ невѣрныя послыжки въ своей первоосновѣ и противорѣчитъ всѣмъ историко-культурнымъ даннымъ.

Мы не отрицаемъ естественнаго развитія человѣческаго сознанія и всѣхъ зарегистрированныхъ исторіей этаповъ. Мы только оспариваемъ самый распорядокъ указанныхъ стадій. Ученые говорятъ, что теологическая стадія—удѣлъ первобытныхъ и малокультурныхъ народовъ. Мы же стоимъ за то, что она свойственна только просвѣщенному человѣчеству.

Чтобы не быть голословнымъ, предпримемъ маленькую экскурсію въ область исторіи философіи ¹⁾.

Послѣдняя говоритъ намъ, что философскій геній чело-вѣка изслѣдуетъ сначала сущность внѣшняго міра, сущность окружающей насъ природы; затѣмъ переходитъ къ вопросу о чело-вѣкѣ и, наконецъ, останавливается на томъ, Кто выше міра и чело-вѣка, именно на Божествѣ.

Пробудившись впервые, философскій геній мудреца, какъ чело-вѣкъ, попавшій въ невѣдомый ему край, задается прежде всего вопросомъ, гдѣ онъ, что его окружаетъ. Длинный рядъ философовъ пытливо рѣшаетъ вопросъ исключительно о внѣшней, матеріальной природѣ, почему работа ихъ мысли, обычно, и называется философіей природы или натуръ-философіей.

Отецъ философіи, Фалесъ, отыскиваетъ начало всѣхъ началъ въ природѣ, первичный элементъ, изъ котораго путемъ видоизмѣненія произошло все разнообразіе видимыхъ предметовъ. Онъ знаетъ, что все, что существуетъ въ природѣ, существуетъ или какъ твердое тѣло, или какъ жидкость, или какъ газъ, и дѣлаетъ гениальную догадку, что всѣ твердые тѣла, жидкости и газы произошли изъ воды. Вода сама по себѣ—жидкость; охлаждаясь и замерзая, она превращается въ ледъ, становится твердымъ тѣломъ; подъ дѣйствіемъ огня она испаряется, дѣлается газомъ.

Слѣдующій философъ, Анаксименъ, продолжаетъ Фалеса. Онъ учитъ, что самая вода берется изъ воздуха и видоизмѣняется воздухомъ. Нагрѣтый воздухъ впитываетъ въ себя

¹⁾ Историко-философскій процессъ развитія человѣческаго сознанія мы излагаемъ по статьѣ Петрова: „Языкъ вѣчной правды“.

частицы воды, охлажденный—выдѣляетъ. Слѣдовательно, сущность всего, въ томъ числѣ и Фалесовской первичной воды—воздухъ.

Гераклитъ вводитъ новую стихію. „Жизнь есть движеніе“—учитъ онъ.—„Все, что живетъ и существуетъ, движется. Двигается матерія, движется мысль. Причина всеобщаго движенія, жизни всего—огонь, вѣрнѣе, процессъ горѣнія. Огонь нагрѣваетъ и воду, и воздухъ, и заставляетъ ихъ перемѣщаться, принимать то бѣльшую, то меньшую плотность. Огонь есть, стало быть, причина всеобщаго разнообразія, основа — вселенной.

Эмпедокль видитъ недостаточность одной стихіи для уясненія всего разнообразія сущаго и беретъ въ основу своего ученія соединеніе всѣхъ стихій — и воздухъ, и воду, и огонь, а Анаксимандръ сущностью бытія признаетъ нѣчто высшее, чѣмъ всѣ стихіи вмѣстѣ или каждая порознь.

Новый философъ, Анаксагоръ, воздвигаетъ новое начало. Онъ учитъ, что все существующее существуетъ не хаотически, а въ разумномъ строѣ, порядкѣ. Значитъ, въ основѣ матеріи лежитъ разумъ, проникающій всю матерію.

Беликій математикъ и философъ Пифагоръ намѣченную Анаксагоромъ разумность міровой матеріи дѣлаетъ основной задачей своей философіи. Онъ старается уяснить міровую гармонию.

— Въ мірѣ все гармонично, — учитъ онъ; все соединено въ одно стройное законченное цѣлое. Если бы мы имѣли особо утонченный слухъ, мы бы могли въ міровомъ пространствѣ внимать необычайной гармоніи планетныхъ сферъ, какъ внимаемъ на землѣ привычнымъ ухомъ музыкальную гармонию.

Уясненіе этой міровой гармоніи, точное опредѣленіе ея законовъ, вычисленіе ея математическимъ путемъ и составляетъ сущность философскаго ученія Пифагора.

Послѣ Пифагора и его великихъ предшественниковъ, вселенная, міровая природа для пытливости философскаго генія не представляетъ больше ничего достойнаго, и философія природы уступаетъ свое мѣсто философіи челоуѣка. Вмѣсто основнаго принципа древней греческой философіи: „познай вселенную“, Сократъ провозглашаетъ: познай самого себя“.

Въ ряду другихъ греческихъ мудрецовъ Сократъ—новое

и исключительное явление. Насколько тѣ жили внѣшной природой, старались разгадать тайну ея бытія, настолько Сократъ не любилъ и не интересовался внѣшной природой. Когда однажды ученики, чуднымъ весеннимъ днемъ, стали звать Сократа на прогулку за городъ, онъ отказался и спросилъ:

— Чему меня можетъ научить эта глупая, хотя можетъ быть, и красивая природа?

Въ Сократѣ философская мысль шагнула далеко впередъ. Она отъ стихійной природы перешла къ разумному человѣку. Мало того, она намѣтила и послѣдній, важнѣйшій шагъ. Сократъ говорилъ, что онъ самъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ, и другихъ ничему не можетъ научить, а если въ его рѣчахъ есть что доброе и высоко цѣнное, то это отъ „даймона“, отъ Божества, голосъ котораго онъ слышитъ въ себѣ.

Философія гениальнаго сократовскаго ученика, Платона, и есть, по преимуществу, философія „даймона“, философія Божества. Великій преемникъ Платона, Аристотель, новыхъ горизонтовъ для полетовъ философской мысли открыть уже не могъ. До него философскимъ гениемъ были охвачены всѣ сферы познанія, и ему оставалось заняться законами самого познанія, что главнымъ образомъ, и дѣлаетъ послѣдній великій греческій философъ и первый авторъ логики, Аристотель.

Такимъ образомъ, философская мысль человечества въ своемъ естественномъ развитіи прошла три стади: познаніе природы, познаніе человѣка и, наконецъ, познаніе Божества. Это—альфа и омега, начало и конецъ, предѣльные границы духовной жизни, роста и развитія человѣка. Сначала стихійность (природа), потомъ разумность (человѣкъ) и завершеніе всего—святость (Божество).

Тутъ вершины философской мысли сливаются съ религіей, и религіозное пониманіе міровой жизни является высшей философией.

Поясимъ эту мысль простыми примѣрами.

Возьмите различныя отношенія человѣка къ природѣ. Для человѣка, стоящаго на низшей стихійной точкѣ пониманія міра, природа представляется громадной кладовой, складомъ провизіи, доставшимся ему въ добычу. Для человѣка, поднимающагося на вторую ступень пониманія міробытія, смотрящаго на все сквозь призму разума, природа предста-

вляется безпредѣльнымъ научнымъ кабинетомъ, богатѣйшей лабораторіей, полной глубокихъ научныхъ тайнъ. Для чело-вѣка же религіознаго—пониманіе природы, какъ куска добычи, какъ жирной кости, доставшейся голодной собакѣ, кажется бѣднымъ, убогимъ по внутреннему содержанию, унижительнымъ и оскорбительнымъ для его собственного достоинства.

Не удовлетворяется онъ и взглядомъ на природу, какъ на богатый научный кабинетъ. Онъ смотритъ на міръ, какъ на дивный и необъятный Божій храмъ, гдѣ всѣ голоса природы: и раскаты грома, и трель соловья, и шелестъ лѣсной листвы, и ревъ водопада сливаются въ одинъ общій гармоничный гимнъ.

Другой примѣръ.

Возьмите взаимныя отношенія людей. При стихійномъ пониманіи, чело-вѣкъ для чело-вѣка—волкъ. Одинъ смотритъ на другого, какъ на вѣрнаго соперника, какъ на врага въ общей схваткѣ за существованіе, какъ на опаснаго конкурента за жизненнымъ столомъ, гдѣ видится больше голодныхъ ртовъ, чѣмъ накрытыхъ приборовъ.

При научномъ пониманіи вопроса, чело-вѣкъ рассматри-вается, какъ отдѣльный общественный атомъ, какъ клѣточка общественнаго организма, и взаимныя отношенія людей, какъ отношенія труда и капитала, опредѣляются законами полити-ческой экономіи и другихъ социальныхъ наукъ. Для религіознаго же чело-вѣка всякій другой чело-вѣкъ, независимо отъ его работоспособности, отъ его положенія, взглядовъ и убѣжденій, есть ближній братъ, котораго слѣдуетъ окружать самою нѣжною любовью и за котораго въ нуждѣ обязательно надо душу отдать.

Отсюда ясно, что высшее пониманіе всей міровой жизни и различныхъ отдѣльныхъ ея проявленій—есть пониманіе рели-гіозное. Всякое иное пониманіе неизбежно будетъ пониманіемъ идейно-бѣднымъ, не охватывающимъ всей глубины предмета или вопроса.

Если же религіозное пониманіе міровой жизни является высшей философійю, что доказывается и исторіей философіи и исторіей культуры, то говорить послѣ этого, что теологическая стадія есть удѣлъ первобытныхъ людей, по крайней мѣрѣ не-добросовѣстно.

А если вѣрно то, что религіозное пониманіе есть высшая философія, послѣдній этапъ въ развитіи чело-вѣческаго сознанія,

значитъ невѣрно то, будто послѣдняя стадія нашего мышленія исключаетъ возможность христіанской вѣры, значитъ, есть какая-то другая причина современнаго невѣрія.

Какая же именно?

* * *

Намъ кажется, что главная причина современнаго невѣрія кроется въ томъ, что люди отрѣшились отъ думъ о горнемъ мірѣ, приникли къ землѣ и живутъ, и дышать только ею. Апостолъ говорилъ христіанамъ: „горняя мудрствуйте, а не земная“. Люди же мало по-малу забыли этотъ спасительный глаголь, осуетились своими помышленіями, перенесли все свое вниманіе съ божественныхъ высотъ на грѣшную землю и прониклись ея думами, интересами и заботами. Они, какъ говорится, съ головою ушли въ заботы о благахъ внѣшняго, матеріальнаго міра. У нихъ и минутки свободной не осталось, чтобы побыть наединѣ съ самими собою, подумать о Богѣ, о загробномъ мірѣ, о душѣ.

У Панкратова ¹⁾, въ его интересной книжицѣ „Ищущіе Бога“ мы находимъ такой любопытный примѣръ.

Одинъ бывший московскій купецъ, окончательно разорившійся, въ бесѣдѣ съ другимъ, тоже, кажется, разорившимся купцомъ говорилъ:

„Цѣлый вѣкъ мечемся, а для чего—сами не знаемъ. Родятся, растутъ дѣти,—мы не видимъ... Ангелокъ радость свою показываетъ, улыбается свѣту, а намъ некогда посмотрѣть, нужно ѣхать по дѣлу. Проживемъ въ такой бѣлой горячкѣ жизнь и какъ станемъ подводить балансы, анъ и не знаемъ—зачѣмъ жили? Неужели затѣмъ, чтобы домъ строить? Да пропади они пропадомъ. Я стою вотъ у фонтана, думаю... и хочется мнѣ иногда влѣзть на Ивана Великаго, ударить въ Царь-Колоколъ, выстрѣлить въ Царь-Пушку, чтобы земля задрожала, и совѣсть людская проснулась. Хочется крикнуть съ Ивана Великаго всей торговой Москвѣ: „остановитесь! Христомъ Богомъ молю, остановитесь, пока еще не поздно. Бросьте наживу, посмотрите въ душу, чѣмъ живетъ она. Верните къ себѣ радость простой Божьей жизни. Не гонитесь за грошами,

¹⁾ Москва. 1911 г. стр. 6.

вы упускаете „тысячи“... Но знаю, никто меня не послушаеть... Скажутъ: когда былъ богатъ, такъ не разсуждалъ, а голытьбѣ мало ли что въ голову придетъ...

— А ты, дѣйствительно, когда былъ богатъ, такъ не думаль?—спрашивалъ Морозова Сычуговъ.

— Не думаль. Некогда было думать. Вставаль въ шесть часовъ утра и до поздней ночи бѣгалъ, колотился, вносилъ деньги въ банкъ, бралъ изъ банка, учитывалъ векселя, думаль, гдѣ бы занять денегъ. Когда же тутъ думать о другомъ?

— Съ какой же минуты ты сталъ думать иначе?

— Какъ сталъ нищимъ. Я какъ будто проснулся, а вокругъ меня черепки отъ моей прежней жизни. Весь въ нутро ушелъ я и чувствую, что какъ будто только начинаю жить: во все всматриваюсь, все оцѣниваю“...

И такъ, вотъ, всѣ люди. Каждый человѣкъ „малодушно погруженъ въ заботы суетнаго міра“. Гдѣ ужъ тутъ думать о Богѣ? Духовные интересы отходятъ на задній планъ. Они подавляются, приносятся въ жертву матеріальнымъ, вслѣдствіе чего, мало по-малу гложутъ и, наконецъ, атрофируются совсѣмъ.

„Бога нужно искать внутри самого себя, говоритъ св. Левъ Великій. Онъ лучше всего распознается, такъ сказать, духовнымъ осязаніемъ. Мы должны стремиться видѣть Его своими глазами, слышать своими ушами, и наши руки должны осязать Слово жизни. Вѣдь душа наша, какъ и тѣло, имѣетъ свое чувство: вкусите и видите, какъ благъ Господь“ ¹⁾.

И это чувство должно развиваться, совершенствоваться, находить для себя пищу. Но для этого его надо поставить въ благоприятныя условія. Послѣднія таковы:

„Кто хочетъ прійти къ Господу, сподобиться вѣчной жизни, стать жилищемъ Божіимъ и удостоиться св. Духа“, — читаемъ мы въ 1-мъ словѣ святаго Макарія „О сохраненіи сердца“, — „тотъ, чтобы ему быть въ состояніи неукоризненнаго и чисто творить плоды по заповѣдямъ Господнимъ, долженъ положить такое начало. Во-первыхъ, должно ему твердо увѣровать въ Господа, всецѣло посвятить себя словесамъ заповѣдей Его, во всемъ отречься отъ міра, чтобы умъ совер-

¹⁾ М. Новоселовъ: „Забытый путь опытнаго Богопознанія“. Изд. 3-е. Москва 1912 г. стр. 11.